

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АМЕРИКЕ И ЛИКВИДАЦИИ ПЛАНТАЦИОННОГО РАБСТВА

Ю.В. ЛАТОВ

кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет — Высшая школа экономики

Статья представляет собой предварительный вариант одной из глав учебника по экономической истории под ред. Р.М. Нуреева.

© Латов Ю.В., 2004

В ЯНВАРЕ минувшего 2003 г. американцы отмечали 140-й юбилей обнародования президентом А. Линкольном Декларации об освобождении негров-рабов. У нас, в России, это событие прошло почти незамеченным. Между тем этот сюжет экономической истории очень любопытен для россиян, поскольку он имеет много параллелей с ключевыми событиями нашей истории (хотя бы с историей отмены крепостного права). Самое главное, анализ отмены рабства в Америке позволяет критически взглянуть на представление, будто либеральные американцы извечно были «впереди планеты всей». На наш взгляд, отмена рабства в Соединенных Штатах является примером как раз довольно неудачной социально-экономической реформы, проведенной с большим запозданием, ценой огромных издержек и с не слишком эффективным результатом (как, например, и российские реформы 1990-х гг.).

История отмены рабства в Америке интересна еще и тем, что она позволяет продемонстрировать новые идеи, связанные с популярной за рубежом (но еще не в России) «новой экономической историей», основоположниками которой являются американские экономисты-историки Р. Фогель и Д. Норт. В настоящее время под руководством Р.М. Нуреева идет подготовка учебника по экономической истории, написанного на базе новейших методологических парадигм. Предлагаемый читателям текст — рабочий вариант одной из глав этого учебника.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СЕВЕРА И ЮГА НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Причиной Гражданской войны 1861-1865 гг. называют вопрос об отмене рабства. Следует, однако, учитывать, что даже на Севере аболиционистские настроения никогда не пользовались сильной популярностью. Подавляющее большинство белых американцев сходилось в убеждении, что негры — люди «второго сорта», а права частной собственности — включая и собственность на рабов — священны и незыблемы.

Чтобы показать, насколько важным являлось рабство для экономического процветания Юга, американский клиометрик Дж. Гундерсон оценил, какая доля дохода белого южанина в 1860 г. была получена за счет эксплуатации рабов (табл. 1). По его расчетам, в семи штатах, где выращивалась бóльшая часть хлопка и где почти половину на-

селения составляли рабы, они давали 31% дохода белых; для всех одиннадцати мятежных штатов рабы составляли 38% населения и обеспечивали 23% дохода белых. Не удивительно, что южане — даже те, кто не имел рабов, но собирався в будущем их иметь, — рассматривали любую попытку федерального правительства ограничить права рабовладельцев на их собственность как катастрофическую угрозу экономике Юга. Северяне понимали, насколько важно рабство для благосостояния южан, и отнюдь не стремились «обирать» их ради абстрактных принципов гуманизма.

Истинные причины нарастания противостояния между Севером и Югом кроются не в рабстве самом по себе, а в его побочных последствиях — в вопросах о земле и о тарифах.

Агрэкономика и фермерского Севера, и плантационного Юга росла вплоть

Таблица 1

**Доля доходов, получаемых белыми американцами-южанами
от эксплуатации негров-рабов¹**

Южные штаты	Процент рабов в населении	Средний доход свободного белого, долл.	Доход, полученный за счет эксплуатации рабов, долл.	Доля доходов, полученная от эксплуатации рабов, %
Алабама	45	120	50	41,7
Южная Каролина	57	159	57	35,8
Флорида	44	143	48	33,6
Джорджия	44	136	40	29,4
Миссисипи	55	253	74	29,2
Луизиана	47	229	54	23,6
Техас	30	134	26	19,4
7 «хлопковых» штатов в целом	46	163	50	30,6
Северная Каролина	33	108	21	19,4
Теннесси	25	93	17	18,3
Арканзас	26	121	21	17,4
Вирджиния	32	121	21	17,4
Все 11 штатов Юга	38	135	35	25,9

¹ Сост. по [18].

до конца XIX в. в основном экстенсивно — богатство Америки «прирасталось Западом». На Север постоянно прибывали новые мигранты из Европы, большинство которых стремилось вести самостоятельное хозяйство, а не работать по найму. То же желание обуревало и коренных англо-американцев северных штатов. В старых восточных штатах Юга постепенно снижалось природное плодородие почв, наиболее пригодные к обработке земли давно освоили, а потому новые рабовладельческие хозяйства было предпочтительней создавать на новых землях. Однако интересы новых плантаторов и новых фермеров категорически не совпадали.

Рабовладельческая плантация, как доказывают исследования Р. Фогеля и С. Энгермана (см. модель 1), была заметно эффективнее не-рабовладельческой фермы, поэтому плантатор мог продавать произведенные трудом рабов сельскохозяйственные товары дешевле и платить за покупку земли у правительства дороже, чем его сосед-фермер. Так как в соседстве с плантациями фермерские хозяйства полноценно развиваться не могли, то фермеры стремились положиться не на «невидимую руку рынка», а на руку закона — законодательно запрещать рабство на вновь осваиваемых территориях.

Фермеры-переселенцы с Севера и плантаторы-переселенцы с Юга могли разделить географически сферы экспансии: плантационные хозяйства могли быть высокоэффективными лишь в теплом поясе, а где нельзя было выращивать «король-хлопок», там плантации не укоренялись. Именно этими объективными соображениями, вероятно, подспудно руководствовались организаторы Миссурийского компромисса 1820 г., разделившего рабовладельческие и свободные от рабства территории по параллели 36°30', примерно соответствующей грани между климатическими поясами. Однако потенциальные фер-

меры заметно превосходили по численности потенциальных плантаторов, а потому фермерская колонизация стихийно шла как на северо-западе, так и на юго-западе.

Пользуясь численным превосходством, фермеры могли бы законодательно заблокировать распространение рабства на всем Западе. Однако это было возможно только при свободном доступе всех желающих на новые земли. Между тем федеральное правительство — отчасти по требованию южан, отчасти по фискальным соображениям — запрещало свободный доступ переселенцев на новые земли, требуя высокой платы за их приобретение в частную собственность. При продаже земли с аукциона стартовая цена составляла 1,25 долл. за акр; фактически законная покупка маленького участка в 40 акров и его обустройство стоили в середине XIX в. не менее 1200 долл. [2, с. 48]. Для небогатых фермеров с Севера это были очень большие деньги; для плантатора-рабовладельца с Юга они примерно равнялись стоимости всего одного раба.

Из-за высоких издержек легализации фермеры оказывались часто вынужденными прибегать к самочинному захвату земель (скваттерству). Рабовладельцы же законно покупали земли под плантации, легализовывали на новых территориях рабство, после чего вытесняли фермеров, выгоняя самочинных скваттеров и перекупая законно приобретенные мелкие участки.

Противоречие между северной (фермерской) и южной (плантаторской) колонизацией сконцентрировалось в 1840-е гг. в политических баталиях вокруг закона о гомстедах — участках в 160 акров, которые бы бесплатно получали из фонда государственных земель все желающие их обрабатывать. Принятие этого закона сразу бы «открыло шлюзы» для фермерской колонизации с Севера и полностью остановило плантаторскую колонизацию

с Юга². Естественно, что пока правительство находилось под контролем южан, оно неизменно проваливало билль о гомстедах, вызывая негодование северян.

Поскольку в Конгрессе США расклад политических сил постепенно менялся в пользу северян, то ключевым элементом противоборства стала позиция президента. Пока президентский пост занимали политики, доброжелательные к интересам Юга, билль о гомстедах пройти не мог. В 1860 г. Конгресс принял компромиссный «гомстед-акт» (он всего лишь снижал цены на землю и совсем не устраивал переселенцев с Севера), но и его заблокировало вето президента-республиканца Д. Бьюкенена. Это событие стало для сторонников гомстеда буквально последней каплей. Взрыв политических страстей закончился избранием президента-республиканца А. Линкольна, который вел предвыборную кампанию под лозунгами типа «Свободная земля для свободных людей».

Противоборство Юга и Севера по поводу тарифов на импортные товары менее известно, чем борьба вокруг билля о гомстедах; однако тарифная конфронтация была не менее непримиримой.

В XIX в. Соединенные Штаты находились на полупериферии капиталистической мир-экономики. Зарождающаяся национальная индустрия была еще слабokonкурентной в сравнении со странами ядра (прежде всего, Великобританией) и нуждалась в протекционистской защите. Согласно контрфактической модели М. Билса, если бы не было протекционистских тарифов 1816 г. (от 7,5 до 30% стоимости товаров), 1824 г. (в среднем до 37%) и 1828 г. («тариф

ужасов» — до 45%), то разорилось бы не менее половины американских текстильных фирм [8].

Протекционистские тарифы помогали экономике Севера, но Югу они только мешали. Довоенный Юг во многих отношениях напоминал «банановые республики» XX в.: аграрное производство близко к монокультурному и ориентировано на экспорт, перерабатывающая промышленность (и вообще городская экономика) развита слабо, потребительские промтовары поступают в значительной степени за счет импорта. Поэтому южане почти ничего не получали от протекционистской защиты индустрии, зато многое теряли как потребители импортных товаров, за которые приходилось переплачивать либо отказываться от них в пользу худших отечественных товаров. Южанам была бы выгодна политика фритредерства, но промышленников-северян свобода торговли могла разорить.

Именно в связи с тарифной проблемой впервые возникла реальная угроза раскола Союза: в 1832 г. Южная Каролина отменила на своей территории протекционистские тарифы 1828 и 1832 гг. (до 30–36% стоимости товаров), пригрозив, что принудительные меры правительства приведут к выходу штата из Союза. Этот конфликт удалось «спустить на тормозах» — президент Э. Джексон согласился снизить пошлины (до среднего уровня в 20%), а Южная Каролина признала главенство правительства. Конфликт 1832–1833 гг. называют прелюдией Гражданской войны.

В течение нескольких десятилетий южане мирились с высокими тарифами, идя на уступки в этом вопросе в обмен на учет их интересов в земельном вопросе. Последний раз такой компромисс был достигнут в тарифных дебатах 1857 г. и привел к выработке «умеренного» тарифа (20–24%). Однако южане жаловались, что и этот уровень протекционистской защиты чрезмерен

² В 1852 г. во время дебатов в Конгрессе вокруг билля о гомстедах один из конгрессменов-аболиционистов прямо заявил: «Рабство может процветать только на крупных плантациях. В стране, разделенной на мелкие фермы... не будет места для рабства...» [2, с. 55–56].

и что Запад и Север развиваются за счет Юга. С приходом к власти администрации А. Линкольна возможности для компромисса исчезли: демократы соби- рались наконец принять билль о гом- стедах и одновременно взвинтить тамо- женные тарифы. Южанам оставалось либо смириться со стратегическим по- ражением, либо отделиться от Севера как от враждебного государства. Юг выбрал второй путь.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СЕВЕРА И ЮГА ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В литературе можно встретить ут- верждения, что рабовладельцы-южане стремились в ходе Гражданской войны распространить рабство на всю страну. Такие цели некоторые политические ли- деры мятежников-южан действительно выдвигали, но вряд ли вполне всерьез: плантационное рабовладельческое хо- зяйство эффективно лишь в субтропи- ческом климате с круглогодичным цик- лом сельскохозяйственных работ, и даже на верхнем Юге рабство само по себе постепенно отмирало. Поэтому, хотя Гражданскую войну начал Юг, для него она была второй Войной за независи- мость — стратегически оборонительной, а не наступательной. Южане давно осознали свои культурные отличия от северян и потому чувствовали себя по- добно английским колонистам конца XVIII в., боровшимся против своей метро- полии. Другое дело, что этот «раскол цивилизаций», в отличие от событий 80-летней давности, вел не к прогрес- сивным, а к глубоко реакционным в со- циально-экономическом отношении по- следствиям.

Если бы Югу удалось отстоять свою независимость, то неотрадиционная ра- бовладельческая система могла просу- ществовать еще не одно десятилетие, даже расширяясь за счет захвата Югом новых территорий (Мексики, возможно Кубы). Выход из Союза южных штатов

неминуемо спровоцировал бы «парад суверенитетов», и к концу XIX в. вместо единых США на карте находилась бы мозаика мелких «самостийных» госу- дарств, ни одно из которых не смогло бы когда-либо претендовать на роль ли- дера капиталистической мир-системы. Именно понимание, что независимость Конфедерации положит начало полити- ческому и экономическому распаду Со- единенных Штатов, стало первопричиной борьбы администрации А. Линкольна за единство Союза.

Ресурсов Конфедерации не хватало не то чтобы для завоевательной, но даже для оборонительной войны. Пер- ред Гражданской войной на Севере проживало 20,3 млн человек, на Юге — всего 11,1 млн, из них 4 млн негров- рабов, которые, конечно, не слишком жаждали воевать за свободу Юга, зато могли поддержать северян. Еще более сильным, почти десятикратным, было превосходство Севера в промышленном потенциале. Единственным преимуще- ством южан являлись более высокий уровень их военной подготовки (белые южане жили среди негров-рабов, как спартанцы среди илотов) и патриоти- ческий настрой борьбы за независи- мость от «янки»-северян. Только это и позволило Югу продержаться более че- тырех лет против сильнее Севера³.

Действия правительства А. Линколь- на убедительно показывают, что осво- бождение рабов вовсе не рассматрива- лось северянами как самостоятельная цель. Повышение протекционистских та-

³ Единственным шансом Юга на победу была стратегия блицкрига — прорыва на территорию Севера и быстрой победы, ко- торая заставила бы правительство Союза признать независимость Конфедерации. Напротив, богатые ресурсами северяне могли себе позволить многие проигранные битвы, если только они не приводили к прорыву южан на территорию Севера. После Геттисбергского сражения 1863 г. поражение южан стало лишь вопросом времени.

рифов произошло в марте 1861 г., через два дня после прихода новой администрации, еще до начала войны, — средний уровень тарифа взлетел с 15 до 37,5% (к концу войны он поднялся еще выше, до 47%, оставив позади «тариф ужасов»). Закон о гомстедах был одобрен в палате представителей еще в декабре 1860 г., до инаугурации А. Линкольна, затем обострение конфликта заставило на время забыть о нем, но в мае 1862 г. Линкольн подписал гомстед-акт, дававший право любому гражданину США за символическую плату в 10 долл. получить во владение участок в 160 акров, а через 5 лет бесплатно закрепить его в собственности. До отмены рабства руки дошли в последнюю очередь — лишь в сентябре 1862 г. правительство Союза обнародовало прокламацию об освобождении, вошедшую в силу одновременно с гомстед-актом, 1 января 1863 г.

Сам Линкольн был, как и большинство северян, вовсе не сторонником равноправия былых и негров, а умеренным расистом. Критикуя плантационное рабство, он считал негров неполноценными людьми, а наилучшим решением вопроса о рабстве — выкуп рабов у рабовладельцев для последующей их высылки из США (в Либерию, на Гаити — куда угодно). В любом случае целостность Союза Линкольн ценил гораздо выше свободы рабов⁴. Даже во время войны он предлагал принять закон о компенсации рабовладельцам за потерянных рабов. Лишь логика военного конфликта, стремление нанести удар по экономике Юга заставили его издать прокламацию об освобождении. Чисто конъюнктурный характер этого закона проявлялся хотя бы в том, что рабство отменялось только на территории мя-

тежных штатов, но сохранялось в оставшихся верными федеральному правительству. В результате, как это ни парадоксально, на Севере рабство на законных основаниях просуществовало дольше, чем на Юге, — до 1865 г.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СЕВЕРА И ЮГА ВО ВРЕМЯ РЕКОНСТРУКЦИИ

Когда Гражданская война подходила к финалу, победители-северяне встали перед выбором — какую политику им вести в отношении побежденных южан. Можно было ради национального примирения дать рабовладельцам хотя бы частичную компенсацию и помочь им в ликвидации разрухи (т.е. принять что-то вроде плана Маршалла), а можно — рассматривать Юг как завоеванную страну и пустить ее «на поток и разграбление». Уважающий права собственности А. Линкольн, скорее всего, пошел бы по первому пути, но в последние дни войны он, как-то очень кстати для бескомпромиссных и жаждущих легкой наживы северян, был убит. К власти пришли те политики-демократы, которые намеревались поставить Юг на колени и держать его в этом положении как можно дольше.

Потерпев поражение, южане потеряли большую часть своего имущества: освобождение рабов прошло без всякой компенсации, города разрушены, плантации и фермы разорены. Поскольку на довоенном Юге рабы как имущество вытесняли физический капитал из набора капитальных благ у «капиталистов без капитала» (табл. 2), то одно лишь освобождение рабов лишило южан более 40% их богатства. В довершение все политические посты в южных штатах захватили приехавшие с Севера демократы (их называли «сакво-яжниками») и их немногочисленные южные союзники-приспособленцы («прилипалы»), использовавшие свою монополию на власть для массового

⁴ В 1862 г. он писал: «Моя высшая цель... — это спасение Союза, а не спасение или уничтожение рабовладения. Если бы я мог спасти Союз, не освободив при этом ни одного раба, я пошел бы на это».

Таблица 2

**Основные элементы богатства
хлопковых штатов Юга (1859 г.)⁵**

Элементы богатства	Доля в совокупном богатстве, %
«Живой капитал» (рабы)	44
Недвижимый капитал (земля, строения)	Более 25
Физический капитал	Менее 10

расхищения общественных средств. Белые южане глядели на пришлых «янки» как на завоевателей, поэтому главную ставку «саквояжники» и «прилипалы» сделали на освобожденных рабов: многих бывших конфедератов лишили избирательных прав, а неграмотным в своей массе неграм, наоборот, их предоставили.

Аболиционисты, искренне желавшие оказать экономическую помощь бывшим рабам (например, радикальный республиканец Т. Стивенс), предлагали дать им возможность стать мелкими фермерами, наделив участками по 40 акров и минимальным набором сельхозинвентаря. Вместо этого созданное правительством Бюро по делам освобожденных рабов платило своим подопечным пособия, предоставив этим выбитым из колеи людям самим искать место в жизни. Чтобы предотвратить «черный передел» (по принципу «грабь награбленное»), белые южане создали тайные террористические организации Ку-Клукс-Клана; «саквояжники» использовали против кланистов негритянскую милицию и федеральные войска.

Поскольку южные демократы были в основном «аболиционистами по расчету», они рассматривали негров исключительно как орудие давления на неблагонадежных белых южан и вовсе не собирались оказывать бывшим рабам реальную помощь. К концу 1870-х гг.

основная масса негров стала мелкими арендаторами-издольщиками (кропперами) у крупных землевладельцев, которые давали им сельхозинвентарь и руководили полевыми работами, забирая за это часть урожая. Подобная полусвобода, видимо, вполне удовлетворяла основную массу бывших рабов. Став клиентами белых землевладельцев, они теряли интерес к демагогическим посулам «саквояжников» и «прилипал». Поскольку демократы «прославились» за время Реконструкции злоупотреблениями и казнокрадством не только на Юге, но и на Севере, то время их политического господства подходило к концу.

Реконструкция закончилась «великим логроллингом» 1877 г.

В 1876 г. в результате выборов президентом страны стал республиканец Хейс — он получил меньшинство голосов граждан, но перевес в один голос при голосовании выборщиков. Однако и этот перевес выглядел крайне сомнительным, поэтому у его противника, демократа Тилдена, имелись веские основания требовать пересмотра фальсифицированных результатов.

В ноябре 1876 — феврале 1877 г. Америка оказалась на пороге новой гражданской войны⁶. В южных штатах демократы в основном восстановили свои позиции, хотя некоторые штаты оставались занятыми федеральными войсками. Печально знаменитый Ку-Клукс-Клан успел перестрелять не одну тысячу негров и их белых союзников (как «саквояжников», так и честных аболиционистов), и теперь демократы грозили пойти походом на Вашингтон. Президент У. Грант заранее стянул к столице войска. Ситуация усугублялась тем, что республиканцы успели почти полностью растерять былой политический капитал. Тот же самый Грант был отважным генералом северян, но стал плохим президентом — «президентом скан-

⁵ Сост. по [5, с. 177].

⁶ О событиях 1877 г. см., например: [1, с. 215; 3, с. 142–144].

далов»⁷. Многие члены его администрации оказались замешаны в финансовых махинациях. Поэтому при обострении конфликта коррумпированные республиканцы могли полностью лишиться политического лидерства, завоеванного в ходе Гражданской войны.

В ситуации, когда у обеих партий перспективы были довольно опасные, их лидеры заключили обоюдную сделку. 26 февраля 1877 г. в отеле «Уормли» в Вашингтоне тайно встретились видные представители демократической и республиканской партий. Они заключили соглашение: президентом должен стать Хейс, и южане-демократы должны будут ему помочь, а взамен республиканцы берут на себя обязательства вывести с Юга федеральные войска и смириться с реставрацией там власти демократов. Поэтому когда несколько дней спустя избирательная комиссия объявила о победе Хейса, это не вызвало каких-либо политических волнений.

Новая администрация немедленно вывела с Юга федеральные войска, Реконструкция окончилась, и к неграм открыто стали относиться как к людям «второго сорта». Лишь в 1960–1970-е гг. афро-американцам удалось добиться сплоченности и завоевать в политической борьбе признание своих гражданских прав.

Таким образом, политический кризис 1876 г. закончился классическим лог-

роллингом: республиканцы продали политические права афро-американцев, купив за это политическую поддержку демократов. По своим масштабам и последствиям «соглашение в Уормли» следует по праву признать величайшим в истории логроллингом.

ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ И ОТМЕНЫ РАБСТВА В АМЕРИКЕ

Если типологизировать методы освобождения негров-рабов в Америке Нового времени, то можно выделить 6 основных потенциально возможных моделей (табл. 3).

После того как на Гаити негры-рабы «сами себя освободили», попутно уничтожив или изгнав все белое население острова и разрушив его экономику, подобный вариант «освобождения снизу» всегда висел дамокловым мечом над рабовладельцами Нового Света. Они этот урок учли и в дальнейшем предпочитали кровавой «негритянской революции» мирное «освобождение сверху». Но тот вариант освобождения, который реализовался на американском Юге, оказался, пожалуй, самым неудачным. Хотя почти во всех регионах, где развивалось плантационное рабовладельческое хозяйство, отмена рабства вела к тяжелому экономическому кризису, однако только в США эта реформа вызвала кровопролитнейшую гражданскую войну и затяжной, не преодоленный даже в наши дни, раскол нации.

Американские клиометрики провели немало исследований для оценки издержек Гражданской войны и ее последствий (подробнее см. модель 2). Конечно, все подобные оценки имеют большой элемент условности (как условны любые попытки оценить в деньгах жизни людей). Можно, однако, согласиться, что если бы всех рабов выкупили по рыночным ценам и дали бы каждой негритянской семье по участку земли (т.е. реализовали призыв «40 ак-

⁷ Красноречивая, но малоизвестная подробность: в семейном хозяйстве генерала-северянина Улисса Гранта перед Гражданской войной использовался труд рабов, и свободу они получили вовсе не по прокламации, а после принятия запрещающей рабство 13-й поправки к Конституции США, т.е. в 1865 г. На вопрос, почему он лично не освободил своих рабов (в отличие, например, от знаменитого генерала-южанина Роберта Э. Ли, освободившего своих рабов еще до войны), У. Грант просто отвечал, что «добрую помощь в хозяйстве в наши дни трудно найти». Эта деталь лишней раз показывает, насколько ошибочно видеть во всех северянах высокоморальных борцов за свободу.

Основные модели ликвидации рабства в новое время

Условия личного освобождения рабов	Материальные условия освобождения рабов		
	Без земли	С землей	
		За выкуп	Без выкупа
За выкуп	Ямайка и другие английские колонии (1834 г.), план А. Линкольна (1861–1862 г.)	«Рациональная реформа» по Г. Мюрдалю	Нет примеров
Без выкупа	Соединенные Штаты (1863–1865 гг.), Бразилия (1888 г.)	Нет примеров	Гаити (1791–1803 гг.), французские колонии (1834 г.), план Т. Стивенса (1867 г.)

ров и мул»), это обошлось бы белой Америке куда дешевле, чем издержки Гражданской войны и Реконструкции.

Даже если забыть про более чем 600 тыс. погибших (это превышает потери США во всех других войнах за всю их историю вместе взятые), чисто экономические потери от «революционного» освобождения рабов оказались громадными.

На Севере потребление вернулось к довоенному уровню к 1873 г.; на Юге же потребление оставалось ниже уровня 1860 г. даже к концу столетия, когда среднедушевой доход южан составлял примерно 2/3 национального уровня. Юг попал в капкан бедности, которая продолжала господствовать и в первой половине XX в. Сильное отставание штатов «черного пояса» от других штатов США почти по всем экономическим показателям начало преодолевать только после второй мировой войны.

Урожайность на Юге в конце войны резко упала, ее довоенный уровень не был восстановлен и в 1879 г. Сравнение роста ВВП в Соединенных Штатах с сельскохозяйственным производством южных штатов в 1874–1904 гг. показывает систематическое отставание второго от первого (табл. 4).

В какой именно степени «провал» Юга обязан Гражданской войне и Ре-

Таблица 4

Среднегодовые темпы роста в экономике Соединенных Штатов (1874–1904 гг.) [21]

Временной интервал	Среднегодовые темпы роста	
	ВВП США	Урожай в штатах Юга
1874–1884 гг.	2,79	1,57
1884–1894 гг.	0,96	1,51
1894–1904 гг.	2,30	0,21
1874–1904	2,01	1,10

конструкции, этот вопрос остается открытым. Что является несомненным — это провал надежд и тех, кто боролся за независимый Юг в 1861 г., и тех, кто надеялся, что после войны появится «новый Юг».

Современные историки-экономисты в поисках причин упадка Юга обращают основное внимание вовсе не на физические разрушения военных лет. Большинство приняло тезис Р. Рэнсома и Р. Сатча, что главным ударом по Югу стало саморазрушение хозяйств, поскольку существенная часть мужской рабочей силы долго находилась на войне. Другой фактор — это воздействие эмансипации, в результате которой рабовладельцы потеряли свои огромные капиталы, заключенные в рабах. Кроме

того, освобожденные рабы отреагировали на эмансипацию тем, что резко понизили предложение труда, сократив его на 1/3.

Из всех дуалистических противоречий, свойственных довоенному Югу, большинство сохранилось и после 1865 г., а некоторые даже обострились.

Исчезли антиномии «рабы – рабовладельцы» и «рабы – свободные», но резко обострился межрасовый антагонизм. Когда Реконструкция завершилась, белые южане немедленно отняли у негров избирательные права и начали вымещать на них все свои негативные эмоции, порожденные поражением в войне и обеднением. В конце XIX в. негр на Юге подвергался опасности линчевания сильнее, чем до войны – риску быть убитым «злым» хозяином. Средний доход бывших рабов вырос, но возможности повысить свой достаток путем интенсивного труда оставались сильно ограниченными: зажиточный черный казался белым расистам вызовом их представлениям о неполноценности негритянской расы, а потому вызывал особо пристальный «интерес» Ку-Клукс-Клана. Черный арендатор не мог жить без покровительства белого арендодателя, которому приходилось платить более высокую арендную плату. В конечном счете Север и Юг примирились именно на признании, что бывшие рабы должны оставаться людьми «второго сорта» и «знать свое место».

Дуализм «плантаторы – фермеры» трансформировался в противостояние крупных землевладельцев и мелких арендаторов. Белых фермеров война и Реконструкция разорили сильнее, чем плантаторов (у тех оставались, по крайней мере, крупные участки земли), сильно понизив их возможность вести самостоятельное хозяйствование. Бывшие плантаторы тоже сильно пострадали, оказавшись в конечном счете вынужденными отказаться от крупных плантационных хозяйств, которые были краеуголь-

ным камнем довоенной экономики Юга. Крупные землевладельцы стали дробить бывшие плантации на мелкие участки и сдавать их в аренду либо за денежную плату (белым), либо за часть урожая (черным). Если на довоенном Юге аренда была чрезвычайно редка, то послевоенный Юг превратился в край мелких фермеров-арендаторов. Поскольку труд стал парцеллярным, то о былой производительности «черных бригад» нельзя было и мечтать (табл. 5). «Юг превратился в беднейший регион страны с самой большой долей арендаторских хозяйств» [6, с. 163] с низкой производительностью. Даже в 1900 г. среднедушевой физической объем сельхозпродукции составлял в пяти основных хлопкоуборочных штатах всего лишь около 75% от довоенного уровня.

Таблица 5

Сравнение среднедушевых показателей крупной довоенной плантации и фермы послевоенного негра-кроппера⁸

Показатель	Плантация с 51 и более рабами, 1859 г.	Семейная ферма негра-кроппера, 1879 г.	Изменение, %
Совокупный выпуск (total output)	147,9	74,0	-50,0
Продукт труда (product of labor)	78,8	41,4	-47,8

История Юга показывает, с какими огромными социальными издержками связано преодоление социально-экономического дуализма даже в том случае, когда слаборазвитый регион входит в состав достаточно высокоразвитой страны⁹.

⁸ Сост. по [22].

⁹ Менее яркие примеры подобного рода – Сицилия в составе Италии и Северная Ирландия в составе Великобритании.

Стремление «разрубить гордиев узел» одним махом, по-революционному, приводит к хорошо знакомой россиянам ситуации «хотели как лучше, а получилось как всегда»¹⁰.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Репарации за дядю Тома

Одной из активно обсуждаемых в современной Америке тем стала проблема репараций современным афро-американцам за те унижения и эксплуатацию, которым их подвергали в эпоху рабства и во время последующей расовой сегрегации¹¹.

Впервые идея потребовать компенсации за рабство возникла в 1969 г., когда один из лидеров движения за гражданские права, Джеймс Форман, обнародовал «Черный Манифест», требуя, чтобы чернокожим американцам выплатили репарации в размере 500 млн долл. Автор Манифеста писал, что три с половиной столетия чернокожих Америки эксплуатировали, убивали и преследовали белые граждане, которые и во времена рабства, и в последующем получали огромные доходы от дискриминации негров. В те годы, однако, идея репараций афро-американцам не получила широкой поддержки.

¹⁰ В связи с проблемой неудачи насильственно-шокового освобождения рабов можно вспомнить выразительную характеристику отношения либеральных южан к эмансипации негров, выраженную в «Осквернителе праха» (1948) У. Фолкнера: «...Мы [южане]... защищаем право самим предоставить ему [негритянскому народу] свободу, мы должны взять это на себя по той причине, что никто другой не может этого сделать, ибо вот уже скоро сто лет, как Север сделал такую попытку и вот уже на протяжении семидесяти пяти лет признает, что у него это не вышло. Итак, это предстоит сделать нам... Но это будет не во вторник на этой неделе. А вот северяне считают, что это можно сделать принудительно даже и в понедельник – просто принять и утвердить такой-то непечатанный параграф закона».

¹¹ См. например, [10; 14].

Возрождение этой идеи произошло после 1988 г., когда Конгресс США вынес решение о выплате репараций американцам японского происхождения, которых в годы второй мировой войны (для американцев она была прежде всего войной с Японией) без суда и следствия «превентивно» загнали в концлагеря. По решению Конгресса все невинно пострадавшие (или их наследники) получили из госбюджета по 20 тыс. долл. Еще раньше индейцы добились компенсации в 1,3 млрд долл. за земли, некогда отнятые у них «бледнолицыми». Опираясь на эти законные прецеденты, с 1989 г. на каждой сессии Конгресса США конгрессмен Джон Кониерс стал выдвигать законопроект о создании комиссии для оценки компенсации афро-американцам за рабство и сегрегацию. Хотя никакого законодательного прогресса в этом вопросе пока не наблюдается (американские политики умеют отличать практические нужды от популизма), однако сама идея обсуждается все более оживленно.

По мнению защитников идеи репараций современным афро-американцам за бывшие страдания их предков, эти платежи должны включать как минимум три элемента:

- 1) «доплаты» за неоплаченный труд негров-рабов до 1863 г.;
- 2) «доплаты» за работу афро-американцев после 1863 г., которые они потеряли из-за дискриминации;
- 3) компенсации за отлучение афро-американцев от возможности приобрести земли Америки, когда они были широко доступны белым поселенцам [9, iss. 3].

Противники идеи репараций «потомкам дяди Тома» справедливо указывают, что никто из современных граждан США никогда не имел рабов и не должен расплачиваться за грехи предков (тем более что предки большинства современных белых американцев не были южанами). Этот аргумент парируют доводом, что ведь и выплата компенсации американцам японского происхождения вовсе не предполагала наличия личной вины у налогоплательщиков – речь шла об их ответственности как граждан за действия своего правительства. Поскольку американцы признали себя нацией, коллек-

тивно «задолжавшей» японо-американцам круглую сумму денег, то вполне логично будет, чтобы они признали также свою коллективную ответственность перед афро-американцами и тоже компенсировали ее. Поскольку американская нация является коллективным и не умирающим субъектом правовых отношений, то современные белые американцы (даже те, предки которых никогда не были рабовладельцами) являются коллективными «должниками» своих чернокожих сограждан. Защитники идеи репараций прямо заявляют, что вред рабства и дискриминации простирается на *каждого* афро-американца (даже богатые черные страдают от расовой дискриминации), и в этом виновен *каждый* белый. Конечно, неизбежны парадоксальные ситуации, когда один из предков какого-нибудь современного американца был рабом, а другой – плантатором, и в таком случае он должен платить репарации сам себе. Поскольку, однако, даже в современной Америке межрасовые браки очень редки, то можно довольно четко отличить «виновных» белых от «пострадавших» черных. Все же даже сторонники репараций осторожны в вопросе, кто именно должен платить компенсацию афро-американцам – то ли «белое общество», то ли американская нация в целом (включая и самих афро-американцев).

Некоторые участники дискуссии о репарациях ссылаются на Р. Фогеля и С. Энгермана, доказывавших, что чернокожие невольники жили в условиях, которым могли позавидовать иные белые. Однако эти аргументы звучат довольно слабо – борцам за гражданские права удалось создать представление об «ужасах рабства», близкое к точке зрения радикальных историков, а не клиометриков.

В 2001 г. проблема репараций афро-американцам стала переходить в практическую плоскость: ряд видных адвокатов заявил, что они готовятся к судебным процессам против правительственных организаций и ряда корпораций США. Сумма ожидаемых исков оценивается астрономической суммой в 8 трлн долл.

Некоторые участники дискуссии о репарациях полагают, что главную ответственность надо возлагать на демократическую

партию. Именно ее представители начали в 1861 г. Гражданскую войну, а затем в 1890-е гг., вновь придя к власти в США, сделали многое для фактического аннулирования гражданских прав чернокожих; даже в 1960-е гг. именно демократы составляли основу политической оппозиции борьбе против сегрегации. Поскольку в Соединенных Штатах сейчас примерно 50 млн зарегистрированных членов демократической партии, то при выплате репараций на каждого из них придется «всего» 140 тыс. долл.

Последовательная реализация идеи репараций одних социальных групп другим за былые исторические обиды приведет, видимо, к тому, что все будут должны всем. Голландцы будут требовать компенсаций от испанцев за «пепел Клааса» (раньше он стучал в сердце потомков Тилиа Уленшпигеля, теперь постучится в их кошелек), французы от англичан – за Столетнюю войну и Жанну д'Арк, немцы от итальянцев – за походы легионов Цезаря, и т.д. А уж какой иск смогут предъявить русские татарам за то, что «стрелой татарской древней воли пронзен наш путь»!

Впрочем, в самой Америке много здравомыслящих людей (и белых, и черных), которые отказываются от обсуждения пахнувшей «черным расизмом» проблемы репараций, предлагая не доводить до абсурда принцип коллективной гражданской ответственности. Эта чисто американская дискуссия лишней раз показывает, насколько велики долгосрочные негативные последствия некогда созданной экономики рабства, вносящей раскол и в современное общество.

БИФУРКАЦИИ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО РАБСТВА

Анализируя историю американского рабства, следует указать на две упущенные возможности более благоприятного преодоления данной разновидности неотрадиционных отношений. Эти альтернативные сценарии можно условно назвать «Независимость без рабства» и «Земля и воля за выкуп».

Первая бифуркационная точка – это конец XVIII в., интервал времени между началом Войны за независимость и на-

чалом «хлопкового бума», когда одновременно наблюдались подъем аболиционистских настроений и кризис плантационного хозяйства.

Хорошо известно, что многие отцы-основатели Америки (например, Б. Франклин, Т. Джефферсон) были довольно последовательны в защите принципов свободы, распространяя их не только на белых, но и на черных. Во время столкновений между американскими повстанцами и английскими войсками обе стороны охотно обещали и давали свободу вступающим в армию неграм-рабам. Поскольку внешние рынки для восставших штатов были потеряны, то реальные цены на рабов резко упали: в 1780 г. они составляли примерно 40% от довоенного уровня. На волне революционного подъема организовать полную отмену плантационного рабства за выкуп было вполне реально.

Ранняя ликвидация рабства была возможна не только объективно, но и субъективно. Штат Вермонт стал первым, который отменил рабство сразу же после провозглашения независимости в 1777 г. В 1784 г. Т. Джефферсон внес в Конгресс предложение запретить рабство во всех бывших североамериканских колониях, кроме наиболее южных; его законопроект был провален большинством всего в один голос. В 1787 г. федеральное правительство все же приняло декрет о запрете рабства, хотя и только на северо-западных территориях. В конце XVIII — начале XIX в. большинство северных штатов осуществило процесс постепенной эмансипации, требуя от детей рабынь оставаться в рабстве в течение 28 лет, а затем предоставляя им полную свободу. Таким образом, до полной ликвидации рабства в Америке было буквально «рукой подать».

Альтернативными издержками ранней отмены рабства стало бы торможение в начале XIX в. развития текстильной промышленности (и даже индустриализации в целом) как в Америке, так и

в Европе¹². Зато знаменитый «трек на Запад», не сдерживаемый плантаторским лобби, начался бы на полвека раньше, и уже к середине XIX в. сложилась бы фермерская Америка в примерно современных границах (возможно, без отторгнутых у Мексики территорий). При этом варианте не было бы ни братоубийственной Гражданской войны, ни долгого раскола страны на процветающий Север и нищий Юг.

Эта возможность «закрылась» в начале XIX в., когда южные плантаторы нашли внешние рынки сбыта для хлопка и рабство стало высокорентабельным.

Вторая бифуркационная точка — конец Гражданской войны, 1865 г., когда можно было провести отмену рабства более рационально.

На эту упущенную возможность впервые обратил внимание шведский экономист Г. Мюрдаль в своей книге «Американская дилемма» (1940), в наши дни незаслуженно забытой. По его мнению, наиболее рациональной стала бы такая реформа, которая максимально охраняла бы права частной собственности, обеспечивая плавность переустройства. Для этого в период Реконструкции следовало:

- дать рабовладельцам из бюджета полное возмещение потерь от освобождения рабов как собственности;
- выкупить за счет госбюджета земли плантаторов для распродажи ее мелкими участками всем желающим, черным и белым, с многолетней рассрочкой по оплате [7, с. 135; 19, р. 225].

Такая реформа вызвала бы на Юге действительно одобрение всех — и плантаторов, и фермеров, и белых, и негров.

¹² Можно вспомнить К. Маркса: «Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немислима современная промышленность... Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну» [4, т. 4, с. 135].

В результате ее реализации послевоенный Юг мог стать краем не бедных арендаторов, а фермеров среднего достатка. Полностью избежать сильного спада производства все равно, конечно, было невозможно, но восстановление экономики завершилось бы существенно раньше, чем в реальной истории. Самое главное, черные фермеры оказались бы гораздо более многочисленными и менее страдающими от дискриминации.

Камнем преткновения является вопрос, где бы федеральное правительство нашло очень крупную сумму для возмещения потерь плантаторов-рабовладельцев. Сам Г. Мюрдаль видит выход во введении специального налога по всему Союзу. Уговорить северян платить выкуп побежденным южанам смог бы только очень авторитетный политик, каким был А. Линкольн. Его убийство, обстоятельства которого и по сей день не вполне ясны, ликвидировало эту альтернативу. Пожалуй, для реализации сценария «Земля и воля за выкуп» и объективных, и субъективных предпосылок было заметно меньше, чем для сценария «Независимость без рабства».

На примере истории американского рабства ярко заметен эффект зависимости от предшествующего развития: по мере «укоренения» этого социально-экономического института его становилось все труднее (все дороже) заменить альтернативным. Если на ранних этапах складывания в Северной Америке системы плантационного рабства пресечь ее было нелегко, но возможно, то в дальнейшем развитие пошло по аттрактору, а социальные издержки рабства постоянно росли. «Шоковый» демонтаж рабства, осуществленный в 1860-е гг., оказался хотя и допустимым, но малоэффективным решением. Отмену рабства в Соединенных Штатах (как и, например, ликвидацию командной экономики в России 1990-х гг.) следует рассматривать как образец неудачного институционального конструирования,

когда долгосрочными интересами жертвуют ради сиюминутных выгод, ввергая общество в затяжной и мучительный переходный период.

КЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Модель 1. Использование функции Кобба–Дугласа для сравнения эффективности рабовладельческих и не-рабовладельческих хозяйств

Изданную в 1974 г. книгу Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте» называют наиболее спорной книгой, когда-либо написанной об американском рабстве. Хотя эти американские клиометрики не были первыми, кто стал использовать современные статистические методы и обработку больших баз данных для изучения экономики рабства¹³, но в их трудах клиометрический подход к рабству получил наиболее комплексное выражение.

Одно из главных сделанных ими открытий — доказательство высокой сравнительной эффективности рабовладельческих хозяйств Юга, превосходящей эффективность свободных от рабского труда форм хозяйствования.

Методологической проблемой, которую необходимо разрешить для сравнения рабовладельческих и не-рабовладельческих хозяйств, было разное их ресурсное обеспечение. Типичная рабовладельческая плантация имела гораздо больше земли, физического капитала и работников, чем средняя не-рабовладельческая ферма, а потому непосредственно сравнивать их эффективность нельзя.

Чтобы оценить относительную эффективность хозяйств, Фогель и Энгер-

¹³ Первыми, кто еще в 1950-е гг. использовал клиометрические методы для изучения экономики американского рабовладельческого Юга, считают А. Конрада и Дж. Мейера [11, 12].

ман использовали индекс «полной производительности фактора» («total factor productivity»), который измерял выпуск (output) на среднюю единицу ресурса (input) для каждого типа сельскохозяйственных предприятий. Чтобы проанализировать производительность факторов производства, они воспользовались функцией Кобба–Дугласа $Q = AL^{\alpha_L}K^{\alpha_K}T^{\alpha_T}$, где Q – производство, L – затраты труда, K – физического капитала (машин и др.), а T – земли. В этой формуле показатели α_L , α_K и α_T отражают пропорцию влияния на выпуск каждого из факторов (их сумма больше единицы из-за экономии на масштабе).

Результаты обработки баз данных по этой методике Фогель и Энгерман выразили в форме таблицы (табл. 6) [13].

Таблица 6

Относительная эффективность сельскохозяйственного производства по регионам Соединенных Штатов (1860 г.)

Регионы	Использование свободного труда	Использование рабского труда	В целом
Север	1,00	NA	1,00
Юг	1,09	1,40	1,35
Старый Юг		1,19	
Новый Юг		1,53	

Опираясь на эти клиометрические выкладки, Фогель и Энгерман пришли к следующему основному выводу.

- В 1860 г. сельское хозяйство Юга в целом было на 35% эффективнее (если рассматривать выпуск при одинаковом количестве ресурсов), чем сельское хозяйство Севера.
- Южные не-рабовладельческие фермы были на 9% производи-

тельные, чем северные не-рабовладельческие фермы.

- Используя труд рабов южные фермы были на 28% более производительны, чем южные не-рабовладельческие фермы, и на 40% более производительны, чем северные не-рабовладельческие фермы.
- Сельское хозяйство Нового Юга¹⁴, основанное на использовании труда рабов, было на 29% более производительно (при условии равных ресурсов), чем рабовладельческое сельское хозяйство на Старом Юге. Свободно-трудовые фермы Старого Юга имели ту же производительность, что и свободно-трудовые фермы Севера. Сельское хозяйство с использованием рабов на Старом Юге было на 19% более производительно, чем свободно-трудовые фермы Севера, а сельское хозяйство с использованием рабов на Новом Юге было на 53% более производительно, чем северное свободно-трудовое сельское хозяйство.
- Преимущества рабовладельческих хозяйств отчасти связаны с эффектом экономии на масштабе, причем этот эффект наиболее сильно влиял на хозяйства средних размеров, использовавшие 15–50 рабов.
- Отличия в размерах плантаций на Старом Юге и Новом Юге объясняются различиями выращиваемых сельскохозяйственных культур. Производство табака в Вирджинии и Мэриленде, а также риса в Южной Каролине и Джорджии давало более низкую экономию от масштаба, чем хлопковые плантации на Новом Юге.

¹⁴ Новым Югом называли штаты Луизиана, Техас, Миссури и Арканзас.

- Организаторы труда на плантациях стремились добиться дисциплинированного, специализированного и скоординированного использования рабочей силы негров-рабов. Их труд был организован наподобие сборочной линии в промышленности. Это достигалось использованием квалифицированных надсмотрщиков («drivers») из числа самих рабов, которые, подобно бригадирам, следили за поддержанием высокого темпа производства.
- Рабы имели намного более высокую степень вовлечения в производство (2/3 всех людей) в сравнении со свободным населением (1/3). Это было достигнуто путем производительного использования как молодых, так и пожилых рабов, а также организации ухода за детьми так, чтобы женщины-рабыни могли работать.

Книга «Время на Кресте» вызвала у одних историков похвалу, у других сильную критику, послужив катализатором для большого количества последующих исследований. В конечном счете, большинство выводов Фогеля и Энгермана оказалось принято научным сообществом¹⁵.

Модель 2. Оценка потерь от гражданской войны и освобождения рабов методом альтернативных издержек

Гражданскую войну между Севером и Югом часто называют первой «совре-

менной» войной — со скорострельным оружием, с окопными боями, с репрессиями против мирного населения, с расстрелом на месте военнопленных или помещением их в «лагеря смерти». Каковы были явные и скрытые издержки этого конфликта и связанной с ним эмансипации рабов? Наиболее всестороннее исследование по этому вопросу проведено в работах американских клиометриков К. Голдин и Ф. Льюиса [15–17].

Потери от братоубийственной войны разделены ими на две группы:

- *прямые издержки*, которые включают расходы государства и местных органов власти плюс потери от разрушения собственности и потери человеческого капитала;
- *косвенные издержки*, которые включают отсроченные во времени (возникшие после 1865 г.) потери общества.

По оценке К. Голдин и Ф. Льюиса, совокупные расходы обоих правительств составляли 3,3 млрд долл. К этому они добавляют 1,8 млрд долл., экономическую оценку потерь человеческого капитала от гибели людей на войне, и еще 1,5 млрд долл., чтобы оценить психологическую подавленность южан от поражения в войне. Это дает 6,6 млрд долл. прямых издержек; каждая сторона конфликта понесла примерно половину общего количества потерь.

Эти числа, конечно, — очень грубая и, вероятно, заниженная оценка фактических прямых потерь (например, оценка экономических потерь от гибели людей на войне игнорирует эмоциональные деструктивные последствия 635 тыс. смертей для друзей и родственников погибших). Но даже в этом случае прямые издержки войны, как рассчитано К. Голдин и Ф. Льюисом, оказываются в 1,5 раза больше всего ВВП Соединенных Штатов на 1860 г. В расчете на душу населения прямые потери северян составляли приблизительно 150 долл., или, грубо говоря, равнялись среднего-

¹⁵ Кстати, вывод клиометриков о преимущественно капиталистическом характере экономики американского рабства совпадает с мнением К. Маркса: «...Здесь перед нами *капиталисты*, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему» [4, т. 26, ч. II, с. 329].

довому доходу. Бремя южан было в 2,5 раза больше и составляло 376 долл. на каждого человека, включая женщин и детей.

Чтобы вычислить косвенные издержки, К. Голдин и Ф. Льюис оценили ценность *наблюдаемого* послевоенного потока потребления в каждом регионе и сравнили ее с оценками *гипотетического* потока потребления в контрфактической ситуации, если бы не было никакой войны. Расчет производился ими по формуле:

$$Costs = \sum_{j=1860}^n [(C'_j - C_j) / (1 + i)^{j-1860}],$$

где C'_j — гипотетическое потребление в год j , если бы не было войны, а C_j — фактическое потребление в этом году. В исследовании использовалась ставка дисконтирования $i = 0,07$, расчет производился на период до 1909 г. При конструировании контрфактической ситуации, каково было бы потребление в отсутствие Гражданской войны, американские клиометрики исходили из следующих предположений: в 1860—1869 гг. реальные среднедушевые доходы в гипотетическом мире растут теми же темпами, что и в среднем в 1839—1859 гг. в реальном мире; к 1885 г. среднедушевые доходы в реальном и в гипотетическом мире сравниваются, и далее гипотетические среднедушевые доходы растут с той же скоростью, как и реальные; демографические потери войны оценены в 1 млн человек; в гипотетическом мире эти оставшиеся в живых люди умирают согласно показателям смертности для 1900 г.

Голдин и Льюис подсчитали, что при используемых ими предпосылках ценность потерянного потребления для Юга составляет 6,2 млрд долл., а для Севера 1,15 млрд долл.

Примененная ими первоначально методология страдала, однако, от серьезного недостатка: она включала потребление, потерянное по *любой* причи-

не — не только из-за войны. Очевидно, что далеко не в полной мере снижение производства на Юге после 1860 г. может быть непосредственно приписано войне: рост спроса на хлопок, который питал довоенную экономику, затем прекратился; кроме того, были абсолютно неизбежны драматические изменения в организации труда из-за эмансипации рабов. Поэтому К. Голдин и Ф. Льюис впоследствии снизили для Юга свою оценку потерянного потребления из-за войны до 2,56 млрд долл., чтобы исключить эффекты эмансипации и краха хлопкового рынка.

Но и после уточнения оценок совокупные издержки войны оказались много больше одних только прямых издержек. Они составили более 10 млрд долл. — 670 долл. на душу населения на Юге и 199 долл. на Севере (табл. 7).

Столь высокие военные потери заставляют задуматься, не было ли дешевле демонтировать рабовладельческую систему хозяйства мирным путем — пусть даже на максимально выгодных для рабовладельцев условиях.

«Экономическим» решением проблемы рабства, с точки зрения тех, кто возражал против рабства, был бы выкуп рабов у южных рабовладельцев федеральным правительством. Это «простое» решение, однако, не было принято до развязывания войны, поскольку затраты такой реформы были бы весьма огромны. Когда в 1862 г. А. Линкольн писал, что выкуп по рыночным ценам всех рабов в оставшихся в Союзе штатах равен издержкам менее 3 месяцев военных действий, его призыв также не услышали.

К. Голдин рассматривает три альтернативных варианта выкупа рабов:

- немедленный выкуп рабов без выдачи им каких-либо пособий;
- немедленный выкуп рабов с выдачей им по 100 долл. каждому на обзаведение хозяйством (реализация лозунга «40 акров и мул»);
- постепенный выкуп.

Издержки Гражданской войны в Соединенных Штатах, млн долл. (1860 г.)¹⁶

	Юг	Север	Всего
<i>Прямые издержки</i>			
Правительственные расходы	1,032	2,302	3,334
Психологический ущерб	1,487		1,487
Потери человеческого капитала	767	1,064	1,831
Совокупные прямые издержки войны	3,286	3,366	6,652
На человека, долл.	376	148	212
<i>Косвенные издержки</i>			
Сокращение потребления	6,190	1,149	7,339
Прочие потери:			
от освобождения рабов	1,960		
от изменения цен на хлопок	1,670		
Совокупные косвенные издержки войны	2,560	1,149	3,709
На человека, долл.	293	51	118
<i>Совокупные издержки войны</i>	5,846	4,515	10,361
На человека, долл.	670	199	330
Население в 1860 г., млн чел.	8,73	27,71	31,43

Поскольку в ожидании освобождения рабов цены на них не могли не понизиться, то затраты правительства на немедленную покупку всех рабов в Соединенных Штатах в 1860 г. составили бы приблизительно 2,7 млрд долл. Еще 380 млн долл. могли бы составить 100-долларовые пособия каждому из освобожденных (их число К. Голдин оценивала в 3,84 млн человек).

Правительство могло выбрать вариант постепенного демонтажа рабства, когда рожденные после 1860 г. получают свободу, а ранее рожденные должны продолжать работать до 1890 г. Тогда потери рабовладельцев, требующие компенсации, составили бы 210 млн долл. от снижения экономической продуктивности рабынь (их дети перестают приносить выгоду рабовладельцу) и еще

340 млн от капитальной ценности рабов по состоянию на 1890 г.

Очевидно, что такие крупные суммы нельзя было выплатить сразу. Даже если бы платежи были растянуты на 30 лет, то ежегодные затраты на немедленный выкуп рабов, по подсчетам Р. Рэнсома и Р. Сатча, потребовали бы *утроить* расходы федерального правительства! Затраты могли быть существенно уменьшены, если бы вместо освобождения всех рабов сразу было принято решение об освобождении новорожденных, а ранее рожденных обязали бы продолжать работать на прежних хозяев в течение 30 лет. Но и в этом случае осталась бы проблема, как затраты на выкуп могли быть распределены среди различных групп населения. К. Голдин рассмотрела три разных варианта распределения выкупных платежей (на всех

¹⁶ Сост. по [22].

свободных, на северян, на всех американцев) и получила результат: даже при выборе самого дешевого варианта (того, который предполагает 30-летние платежи) все американцы должны были бы ежегодно отказываться от 1% своих доходов (табл. 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Дж. Реконструкция. Битва за демократию в США. 1865–1876. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
2. Куропятник Г.П. Земельный вопрос в Конгрессе США в середине XIX века // Аме-

Таблица 8

Среднедушевые ежегодные платежи в течение 30 лет, необходимые для мирного освобождения рабов в 1860 г. [16]

	Среднедушевые платежи		
	Платят все свободные	Платят только северяне	Платят все американцы (свободные и рабы)
Немедленное освобождение рабов без пособий	7,25 долл. (5%)	9,66 долл. (7%)	6,30 долл. (4%)
Немедленное освобождение рабов с выдачей по 100 долл. каждому	8,00 долл. (6%)	10,70 долл. (8%)	6,90 долл. (5%)
Постепенное освобождение в течение 30 лет	1,50 долл. (1%)	2,00 долл. (1,5%)	1,30 долл. (1%)

Издержки любой схемы эмансипации с компенсацией были настолько высоки, что даже те, кто желал устранить рабство, не желали платить выкуп тем, кто имел рабов. Тем не менее самый дорогой вариант с выкупом (3 млрд долл.) оказывается вдвое дешевле одних только прямых потерь от войны.

И при расчете косвенных издержек Гражданской войны, и при расчете издержек мирного освобождения рабов американские клиометрики используют одинаковый методологический прием — анализ альтернативных издержек, т.е. ценности лучшей из упущенных альтернатив. Согласно клиометрических расчетам, в 1860 г. перед Америкой стоял выбор: провести мирную ликвидацию рабства ценой в 3 млрд долл. либо ликвидировать его в ходе войны, потеряв 10 млрд. Как признают современные американские историки-экономисты, сделанный в 1861 г. выбор в пользу войны оказывается с точки зрения сравнения выгод и издержек чудовищной ошибкой.

- риканский ежегодник. 1995. М.: Наука, 1996.
3. Лисневский Э.В. Кланнистское движение в США в период Реконструкции Юга (1865–1877 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. С. 142–144.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
5. Рэнсом Р., Сатч Р. Капиталисты без капитала: бремя рабства и влияние освобождения // Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века: Материалы советско-американских симпозиумов [Таллинн, июнь 1987 г.]. М.: Наука, 1991.
6. Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М.: ИВИ РАН, 1998.
7. Хейвуд Г. Освобождение негров. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. С. 135.
8. Bils M. Tariff Protection and Production in the Early US Cotton Textile Industry // Journal of Economic History. 1984. V. 44. № 4. P. 1033–1045.
9. Browne R.S. The Economic Basis for Reparations to Black America // Review of Black Political Economy. 1993. Winter. V. 21. Is. 3.
10. Cha-Jua S.K. Slavery, Racist Violence, American Apartheid: The Case for Reparations // New Politics. 2001. Summer. V. 8;

- <http://www.wpunj.edu/~newpol/issue31/chajua31.htm>.
11. *Conrad A., Meyer J.*, The Economics of Slavery in the Antebellum South // *Journal of Political Economy*. 1958. V. LXVI. P. 93–130.
 12. *Conrad A.H., Meyer J.R.* The Economics of Slavery and Other Studies. Chicago: Aldine, 1964.
 13. *Fogel R., Engerman S.* Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. 1st ed. Boston: Little, Brown, 1974.
 14. *Fullinwider R.K.* The Case for Reparations // http://www.puaf.umd.edu/IPPP/Summer00/case_for_reparations.htm.
 15. *Goldin C.D.* The Economics of Emancipation // *Journal of Economic History*. 1973. V. 33. P. 66–85.
 16. *Goldin C. Lewis F.* The Economic Costs of the American Civil War: Estimates and Implications // *Journal of Economic History*. 1975. V. 35. P. 299–326.
 17. *Goldin C., Lewis F.* The Post-Bellum Recovery of the South and the Cost of the Civil War: Comment // *Journal of Economic History*. 1978. V. 38. P. 487–492.
 18. *Gunderson G.* The Origin of the American Civil War // *Journal of Economic History*. 1974. V. 34. P. 915–950.
 19. *Myrdal G.* An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy. N.Y., 1940. V. 2. P. 225.
 20. *Ransom R.L.* The Economic Consequences of the American Civil War // *The Political Economy of War and Peace* / Ed. by M. Wolfson. Norwell, MA: Kluwer Academic Publishers, 1998.
 21. *Ransom R.L., Sutch R.* Growth and Welfare in the American South in the Nineteenth Century // *Exploration in Economic History*. 1979. V. 16.
 22. *Ransom R., Sutch R.* One Kind of Freedom. The Economic Consequences of Emancipation. N.Y.: Cambridge University Press, 1977.